

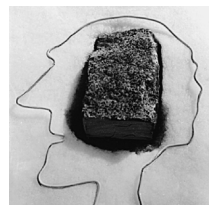
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИМПРЕССИНГА: БИОГРАФИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ

© 2017

Е.В. Викторова

Начиная с конца XX века среди факторов, влияющих на проявление и реализацию талантливости, все большее внимание исследователей привлекает импрессионг — сильное впечатление (как правило, однократное), получаемое личностью в детско-подростковом возрасте и в благоприятных условиях среды приводящее ее к значительным достижениям в какой-либо области. Попытку обоснования творческих способностей личности значительным влиянием импрессионгов предпринял В.П. Эфроимсон. На обширном биографическом материале ученый проанализировал сложную природу человеческих способностей (“Генетика этики и эстетики”, “Генетика гениальности”, “Педагогическая генетика” и др.), обратившись к наименее изученному аспекту проблемы детерминации творческой деятельности — сознательности/бессознательности личности в ее творческом самоизъявлении. В этом смысле концепция Эфроимсона обретает достойное место среди многочисленных попыток осмысления данной проблемы, так или иначе затронутой в работах самого разного научного плана: биопсихологического, психологического, генетического, социального, социокультурного (Н.А. Бердяев, Л.С. Выготский, С. Гроф, Л. Гумилёв, Р. Дилтс, Э. Дюркгейм, М.С. Каган, Ч. Ломброзо, Т. Лири, А.Ф. Лосев, Г. Селье, З. Фрейд, В. Франкл, Э. Фромм, А. Шопенгауэр, К.Г. Юнг и др.), — в то же время общим для которых является признание того, что талантам и гениям свойственны особые черты характера и особые мотивы их творческой деятельности, заставляющие во что бы то ни стало ее осуществлять.

В.П. Эфроимсон предложил отличать гениев потенциальных (рождающихся таковыми) от гениев развившихся, а последних в свою очередь — от гениев реализовавшихся. И если потенциально талантливой или гениальной личностью становится благодаря генетическим факторам, то развитие и реализация дарований определяется факторами социальными [26]. Опира-

**БЫТЬ ИЛИ
МОЖЕТ БЫТЬ?**

**Викторова
Елена**

Викторова — кандидат педагогических наук, доцент кафедры “Теория и практика социальной работы” ФГБОУ ВО “Пензенский государственный университет”. В журнале “Человек” публикуется впервые. E-mail: vikele@mail.ru

БЫТЬ ИЛИ МОЖЕТ БЫТЬ?

ясь на данное представление и учитывая тот факт, что современное социогуманитарное знание признает многогранность и полидетерминированность феномена талантности, предлагаем рассмотреть импрессионг как одну из ее детерминант, при этом считаем необходимым выйти за генетические и социально-генетические рамки, в русло социокультурного подхода, согласно которому человек есть существо биосоциокультурное.

В импрессионге как бы преломляются социально-культурные, социально-экономические и социально-педагогические факторы развития. Творческие способности личности и успех их реализации предстают как результат совпадения генетически заложенных способностей и детско-подростковых импрессионгов (как позитивных, так и негативных). Вместе с тем именно от импрессионгов зависят характер и сила творческих склонностей: без них природные способности личности могут так и не проявиться или, проявившись, не реализоваться. Характер же самих импрессионгов и их результат — смысложизненные ценности личности — обусловлены прежде всего глубиной и интенсивностью коммуникации с ее социокультурным окружением. Ведь в силу физиологических и социально-психологических особенностей развития у ребенка естественным образом ограничены личный опыт и способности к самостоятельному мышлению. Следовательно, с социокультурной точки зрения импрессионг может быть определен как механизм активизации предрасположенности личности к определенным видам деятельности, формирования устойчивого стремления к раскрытию и реализации творческого потенциала. Однако выявление воздействий, вызывающих такие впечатления, представляет определенную сложность, причина которой кроется в одной из специфических черт импрессионга — индивидуальной избирательности реагирования личности на интенции среды.

Импрессионги разнообразны, индивидуальны, парадоксальны и слабо предсказуемы: “На долю детей и подростков, по социальным признакам как бы и однородных, выпадают совершенно разные импрессионги, не говоря уже о том, что разные генотипы определяют тот факт, что из одинаковых воздействий среды разные люди воспримут в качестве решающих и основополагающих разные импрессионги, сформируют разные жизненные идеалы, да и устремление к их реализации может принять разный характер и интенсивность” [25]. Поэтому отправной точкой исследования импрессионга представляется описание его на материале жизни и деятельности тех людей, чьи творческие дарования уже раскрылись и реализовались, — признанных деятелей культуры и искусства. При этом своей задачей мы видим не только опирающееся на статистические данные обнаружение фактов импрессионгов в жизни творческих личностей, но прежде всего их социокультурный анализ с целью раскрытия и обоснования созидательного потенциала.

Мы исходим из предположения, что импрессинг выступает одним из факторов формирующейся в детстве доминанты творческого сознания. Импрессинг активизирует те свойства и устремления личности, которые обеспечивают ее дальнейшую творческую деятельность.

Одним из основных источников импрессинга, как уже было отмечено, является общение с представителями ближайшего социального окружения, которые выполняют функцию трансляторов социокультурных ценностей. Любое впечатление от общения в силу стечения обстоятельств может обрести для ребенка исключительную значимость, любой человек из окружения в любой момент может стать причастным к импрессингу, даже не ставя перед собой такой цели и, более того, не осознавая этого. В данном случае можно говорить отдельно о социальных и культурных характеристиках окружения личности и о социализационном потенциале социальной среды в целом. И то и другое имеет непосредственное отношение к превращению воздействий на личность в доминанту внутреннего опыта. Вместе с тем уровень образования значимого для импрессинга лица, как показывают примеры, не имеет значения. Важны смысложизненные/духовные ценности такого лица, его личностные качества и отношение к ребенку. Биографический анализ позволяет говорить о том, что в социокультурном окружении каждого из взятых для примера писателей подбный человек был.

Так, любовь к чтению у маленького С.Т. Аксакова формировалась рядом с горячо любимой матерью. Уже, будучи взрослым, писатель с благоговением вспоминал свою “блаженную жизнь подле матери”, которой “всегда с новым удовольствием” читал вслух свои любимые книжки, декламировал стихи [2, с. 211]. Именно для матери, хотя и страшно боясь предстоящей разлуки с ней, девятилетний Аксаков готовился к вступительным испытаниям в гимназию: совершенствовался в чтении, написании прописей: “Все это я делал... единственно для нее. Она сказала мне, что сторит со стыда, если меня не похвалят на экзамене... что она уверена в моих отличных успехах, — этого было довольно” [там же, с. 213]. Серию импрессингов, связанных с матерью, в жизни будущего писателя можно продолжить, упомянув и ситуацию, когда Аксаков блестяще выдержал экзамены, особенно поразив экзаменаторов изяществом в чтении. Детское впечатление было настолько сильным, что сопровождало писателя всю жизнь: «Мать устремила на меня взгляд, выражение которого я не забуду, если проживу еще сто лет. Она обняла меня и сказала: “Ты мое счастье, ты моя гордость!”» [там же, с. 215].

Подростком И.А. Крылов после смерти отца получил единственное, но уникальное для того времени наследие — книги “в полуразвалившемся сундуке, в пыли и беспорядке”. Мать “щедро одаренного природою” мальчика, “чуждая всякого уче-

Л.М. Хайлов.
Иллюстрация
к роману
С.Т. Аксакова
“Детские годы
Багрова-внука”.
1966

ния, даже грамотности... руководствуясь одной природною логикою” [10, с. 51], привела в порядок эти “сокровища” и сама составила план его образования. Стремясь приобщить сына к чтению, мать давала ему награду всякий раз, когда тот читал ей, и позволяла тратить деньги самому, что приводило подростка в восторг от дарованной ему самостоятельности [19, с. 188–189]. Крылов страстно любил мать, “замечая в ней необычайные способности”, видя “в ней существо гениальное между женщинами” [18]. Матери удалось сформировать у будущего баснописца не только страсть к чтению, но и трудолюбие и настойчивость — качества, необходимые для реализации природных способностей.

Малограмотная, едва умевшая писать, но добрая и умная, мать А.С. Серафимовича (Попова), по собственному признанию мастера, оказала огромное влияние на раскрытие его писательского таланта [21]. Рядом с ней болезненный маль-

чик проводил большую часть времени, рядом с ней бурно развивались его фантазия и любовь к чтению. Читал Серафимович и дома, и, тайком прижимая книгу к коленям, на уроках в гимназии, даже под страхом немедленного исключения [там же]. Мать Н.С. Гумилёва читала детям не только сказки, но и книги исторического и теологического содержания. Уже состоявшийся поэт и критик так вспоминал о своих впечатлениях об услышанном в раннем детстве от матери: “Как осторожно надо подходить к ребенку! Как сильны и неизгладимы бывают впечатления в детстве! Как сильно меня потрясло, когда я впервые услышал о страданиях Спасителя” [5, с. 158].

Социокультурное окружение маленького В.В. Маяковского было еще богаче на лица, причастные к раскрытию литературных способностей не по годам развитого мальчика. Читали книжки и грамоте учили, по его личным воспоминаниям, “мама и всякоюродные сестры” [15, с. 12]. Как вспоминала мать будущего поэта, если она была занята и не могла читать, четырехлетний Володя расстраивался, плакал, и та, бросая все дела, читала ему, читала каждый день [13]. Читать Маяковский, по его же словам, незаметно для всех, с удовольствием выучился в шесть лет, а по воспоминаниям сестры, к 10 годам уже “читал запоем” [14, с. 81–82]. К декламированию стихов наи-

зуть маленького Маяковского приобщил отец. Поэт вспоминал импрессинговую ситуацию, особо нам интересную, поскольку она позволяет утверждать, что впечатления лиц из ближайшего окружения становящейся личности и ее самой об одной и той же ситуации могут значительно различаться, в чем и состоит непредсказуемость импрессинга. Так, воспоминания матери и сестры поэта о декламации им стихов полны восторгов, гордости и умиления. Сам же Маяковский сетовал на то, что стихи заучивать его нередко заставляли. Скажем, строка “Как-то раз перед толпою Соплеменных скал...”, выученная к папиным именинам, мальчика раздражала. Позднее, узнав, что в ней кроется поэтичность, Маяковский, по собственному признанию, “стал тихо ее ненавидеть”, и это отразилось на художественной манере его стихосложения [15, с. 11].

Склонность Маяковского к сатире и юмору также в большой степени формировалась под влиянием отца, человека ироничного и даже в каких-то вопросах скептически настроенного. Маяковский запомнил и позднее описал не одну картину дружного семейного хохота. В появлении у поэта страстного желания рисовать, в том числе карикатуры, “повинен” друг семьи, студент Глушковский, который много времени проводил с шестилетним Володей: читал ему, рассказывал, рисовал... Как-то Глушковский срисовал из какого-то журнала представленный образ Онегина и придал рисунку сходство с собой. «Володя не сводил глаз с рисунка, пока тот не был закончен. Все предпосылки были таковы, что Володя мог считать Глушковского “Евгенионегиным”. Такого мнения он оставался до тех пор, пока самостоятельно не прочитал роман» [14, с. 56–57]. И сам Маяковский вспоминал, что этого студента года три считал и называл Евгением Онегиным [15, с. 10]. А в пристрастии десятилетнего Володи к чтению газет и социально-политическим вопросам главную роль сыграла сестра. По воспоминаниям матери, однажды она дала прочитать мальчику два запрещенных в то время стихотворения, произведших на него огромное впечатление. Позднее поэт вспоминал это мгновение как поворотное в своем развитии: “...стихи и революция как-то объединились в голове” [там же, с. 13].

Среди лиц, общение с которыми в детско-подростковом возрасте могло возыметь большое значение, необходимо отметить дворовых людей. Например, детское общение с крепостным Леонтием Серебряковым, “страстным поклонником поэзии”, стало решающим для активизации литературных способностей И.С. Тургенева [23]. Сам Тургенев, позиционировавший свои произведения как автобиографические, в повести “Пунин и Бабурин” пишет о невозможности передать словами чувства, которые он испытывал, когда этот простой и такой важный в его жизни человек, “словно сказочный пустынный или добрый дух” [24, с. 17], появлялся перед ним с новой книжкой и уводил с собой в сад, где их чтению никто не мог помешать.

БЫТЬ ИЛИ МОЖЕТ БЫТЬ?

Аналогичную ситуацию обнаруживаем в детстве Д.В. Григоревича, до восьми лет не знавшего русской речи и полюбившего ее благодаря крестьянам, дворовым людям. Особую роль в этом сыграл камердинер Николай, чье сердечное и ласковое обращение вызвало в мальчике привязанность настолько трепетную, что расставание с Николаем оказалось для будущего писателя сильнейшим потрясением, повлекшим за собой галлюцинацию и истерику: "...я, как иступленный, с криком бросился ему на шею, истерически рыдал, кричал и так крепко обхватил его руками, что пришлось силой меня оторвать..." [3]. А для С.Т. Аксакова лицом, причастным к импрессионизму, была ключница Пелагея: благодаря ей появился в дальнейшем изпод пера писателя "Аленький цветочек". Пелагея знала огромное число сказок, которыми в долгие зимние вечера заслушивался мальчик. "Образ здоровой, свежей и дородной сказочницы, с веретеном в руках за гребнем, неизгладимо врезался в мое воображение, и если бы я был живописец, то написал бы ее сию минуту как живую" [2, с. 237].

Подобные импрессионизмы, полученные в детском общении с крестьянами, имели место и в жизни Н.А. Некрасова. Несмотря на запреты сурового отца он убегал играть с крестьянскими мальчишками, пробираясь через отверстие в заборе [6]. Детство и подростковый возраст Некрасова — пример того, что импрессионизмы определяют дальнейшее поведение человека и результаты их зачастую необратимы. Впечатления Некрасова-ребенка от общения с крестьянскими детьми довольно скоро возымели свои результаты: уже в пятнадцать лет, сформировав определенные воззрения на крепостной произвол, он отказался есть хлеб, добытый рабским трудом [1, с. 143]. Неудивительно, что именно у Некрасова-писателя крестьянская жизнь показана без идейных компромиссов и художественных нивелировок.

Примеры того, как детско-подростковые импрессионизмы определяют ценностные ориентиры личности, обнаруживаем в жизни и творчестве каждой из взятых для анализа персоналий. Свои первые стихи Маяковский сочиняет уже в пять лет. Десятилетний Аксаков ведет тетрадку, где описывает жизнь известных ему зверей, птиц и рыб, а будучи пятнадцатилетним, он со своим другом издает рукописный "Журнал наших занятий". У Тургенева-подростка хранится тетрадка под названием "Молитвенник" с восемью собственными стихотворениями. Крылов в шестнадцать лет пишет оперу в трех действиях "Кофейница". Кроме того, в жизни баснописца имел место интересный и яркий пример последствий детских импрессионизмов. Свою оперу юный писатель отнес известному типографщику, который предложил за нее 60 рублей ассигнациями — весьма большие деньги для остро нуждающейся в них семьи. "У автора забилось от радости сердце... но, по страсти своей к чтению, он просил заплатить ему не деньгами, а книгами..." [10, с. 53—54].

Для формирования ценности достаточно однократного импрессионного воздействия на становящуюся личность. Неоднократность же схожих по содержанию воздействий среды становится фактором, способствующим укреплению сложившихся в результате импрессионга ценностей. В жизни маленького Тургенева импрессионных ситуаций было несколько и каждая из них способствовала устойчивому интересу к литературному творчеству. В раннем детстве это чтение стихов в потаенных уголках парка с одним из дворовых, затем — яркие впечатления от встречи с В.А. Жуковским, когда знаменитый поэт приезжал в Спасское и в домашнем спектакле играл роль волшебника. А в возрасте восьми лет — сильнейший импрессионг — похищение с одним из дворовых людей, страстным любителем поэзии Серебряковым, книг из семейной библиотеки. Впечатления от того важного в жизни писателя происшествия сам Тургенев подробно и ярко описал в уже упомянутой повести “Пунин и Бабурин”: “И вот удалось нам уйти незамеченными... вот мы сидим уже рядком, вот уже и книга медленно раскрывается, издавая резкий, для меня тогда неизъяснимо приятный запах плесени и старья!..” [24, с. 18]. Вместе с тем описанный случай — яркий пример импрессионга с усиленным эффектом в случае преодоления каких-либо препятствий.

Как уже говорилось, импрессионги могут быть как позитивными, так и негативными. Например, дарование баснописца Крылова развивалось на фоне нежелания учиться, вызванного двойственным отношением к нему богатого семейства Львовых — социокультурного окружения, в которое “по бедности” поместили мальчика родители, не имевшие возможности дать ему полноценное образование. Здесь мальчика учили “чему могли” и здесь же двенадцатилетнему Крылову довелось узнать, что такое унижение: нередко при гостях его использовали как прислугу, хваля и благодаря при этом [12]. Будучи у Львовых, желания учиться Крылов не испытывал, зато испытывал страстное желание читать, “с жадностью читать все, что ни попадалось ему в руки”, особенно произведения сатирические,

Д.А. Шмаринов.
Иллюстрация
к роману
С.Т. Аксакова
“Детские годы
Багрова-внука”.
1936

А.Ф. Пахов. Иллюстрация к стихотворению В.В. Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо». 1939

мышлений, а обидные слова больно задевали самолюбие, вызывая хохот одноклассников и грусть мамы, которой наставник характеризовал сына как рассеянного и ничего не понимающего. В то же время оскорбления порождали в душе маленького Зощенко протест и еще более серьезные размышления. В этом также кроется парадоксальность импрессионга. Истории Крылова и Зощенко свидетельствуют: импрессионг не теряет своего созидательного потенциала даже в том случае, если воздействие носит на первый взгляд отрицательный характер. Ценность творчества не только не была потеряна, но вопреки негативному настрою, ставшему фактором, усиливающим импрессионг, фактором преодоления негативного отношения социального окружения, закрепились в ценностной системе личности будущих писателей. Однако нельзя утверждать, что отрицательные импрессионги непременно влекут за собой раскрытие творческих способностей личности. Здесь налицо такая черта импрессионга, как избирательность: сочетание наследственности и социокультурного воздействия специфически отражается на разных людях. В приведенных нами случаях результат оказался положительным.

Импрессионг — это не только ситуации непосредственного общения, но и наблюдения за чем-либо. У маленького Тургенева обнаруживаем совсем не редкие в жизни детей дворян наблюдения за сценами несправедливости и насилия. Одно из них особо затронуло мальчика: тому довелось увидеть жестокое и несправедливое наказание, которому по распоряжению своей нравственной матери Тургенева подвергся его дорогой друг любитель стихов дворовой Серебряков. Ручьи слез, текущие по сво-

и учиться жизни самому [10, с. 51]. Окружение было вынужденным и порой тягостным, однако именно оно стало причастным становлению Крылова-баснописца.

Серии негативных импрессионгов наблюдаем у М.М. Зощенко, которому школьная жизнь запомнилась сердитыми взглядами классного наставника и его оскорбительными высказываниями: “недостаточное умственное развитие”, “глупый мальчишка”, “как пень” и т.п. [7]. Зощенко-писатель красочно описывает эти случаи в автобиографической повести “Перед восходом солнца”. Постоянные окрики буквально вырывали задумчивого мальчика из его раз-

им щекам, Тургенев запомнил на всю жизнь [24, с. 23]. В описанном случае импрессинг имеет негативную направленность. Подобного рода импрессинг пережил в младшем подростковом возрасте и Н.А. Некрасов, когда впервые увидел бурлаков. Поэт был потрясен до глубины души: крики и стоны бурлаков испугали, оглушили его [6].

В жизни Некрасова имел место и довольно необычный импрессинг. Мальчик навсегда запомнил, как его мать говорила с маленьким пастухом и дала тому несколько грошей [1, с. 139]. Впечатление закрепилось еще и потому, что добросердечное отношение матери Некрасова к крестьянам резко контрастировало с суровым отношением к ним отца. Будущему писателю в тот момент было три — четыре года. Необычность упомянутого импрессинга заключается не в том, что он ранний (хотя раннее детство — наиболее благоприятный период для импрессингов), а в том, что он запомнился Некрасову, обладавшему очень хорошей памятью. Большинство же импрессингов, происходящих в таком возрасте, забываются, сохраняя при этом способность влиять на мышление и поведение уже взрослого человека.

Источником импрессинга, в результате которого активизируются художественные дарования личности, выступает, конечно же, само искусство. Неизвестно, вспоминал Маяковский, как бы сложились его отношения с литературой, если бы после первой прочитанной им “какой-то” “Птичницы Агафьи” в руках не оказалась другая книга. Поэт полагал, что мог бросить читать совсем, если бы, к счастью, второй книгой не оказался “Дон-Кихот”: “Вот это книга! Сделал деревянный меч и латы, разил окружающее” [15, с. 12]. Сильный импрессинг пережил в тринадцатилетнем возрасте по дороге в Тифлис ослабленный болезнью Н.С. Гумилёв. Импрессинг этот сам поэт назвал “поэтической инициацией”. Спустя годы он так рассказывал об этом своей любимой ученице: “На меня вдруг нахлынули стихи Пушкина и Лермонтова о Кавказе. Я их знал и любил уже прежде. Но только здесь я почувствовал их магию. Я стал бредить ими и с утра до вечера, и с вечера до утра твердил их” [17].

Другой источник импрессинга, активизирующего творческие способности человека в детстве, — виды природы. Пример такого импрессинга обнаруживаем в жизни одиннадцатилетнего Серафимовича: перед подростком во всей красе раскрылась природа, переменявшая его жизнь, и он, до этого много времени проводивший с матерью и книгами, целыми днями стал пропадать за Доном, в лесу, среди птиц, трав и заводей [21]. Серии импрессингов, источником которых стала природа, пережил в детстве Аксаков. Один из них, довольно мощный по эмоциональному накалу произошел в девять лет, когда тяжело заболевшего от разлуки с любимой матерью мальчика везли из казанской гимназии в родное Аксаково: “Не берусь передать, что чувствовало мое сердце, когда я увидел

БЫТЬ ИЛИ МОЖЕТ БЫТЬ?

милое мое Аксаково! Нет слов на языке человеческом для выражения таких чувств! Во все течение моей жизни я продолжал испытывать, приближаясь к Аксакову, подобные ощущения... Несколько раз я чувствовал стеснение в груди и готов был упасть..." [2, с. 254]. Сердце будущего писателя рвалось к любимым местам. "Ему не терпелось поскорее побывать на острове, окруженном с двух сторон старицей Бугуруслана... Ему любо постоять у каждого дерева... Отовсюду неслись птичий свист, писк, чириканье, щебетанье..." [11].

Импрессионги разнообразны в силу избирательности реагирования личности на различные воздействия среды, однако есть ситуации, характеристики которых таковы, что позволяют говорить о практически обязательном возникновении импрессионга. Можно предполагать, что импрессионг обязательно будет иметь место там, где речь идет о чем-либо имеющем для становящейся личности большое значение и где наверняка возникнет сильнейшее эмоциональное напряжение, делая эту личность эмоционально уязвимой, особенно в период возрастной чувствительности. Подобные ситуации эмоциональной уязвимости можно обнаружить в биографических материалах талантливых личностей независимо от того, насколько страстными натурами они были по своей природе. Данные ситуации могут быть связаны с уязвленным самолюбием бедного нуждающегося мальчика, как в случае с Крыловым; переживанием своей слабости и болезненности, как у Аксакова и Гумилёва; насмешливым отношением ровесников, как у Аксакова и Зоценко.

Импрессионг не только способствует проявлению таланта, но и формирует качества, необходимые для реализации последнего. Крылову пришлось преодолевать нужду и самостоятельно зарабатывать на жизнь с тринадцати лет. При этом преодоление препятствий создавало новые ситуации импрессионга, закреплявшие личностные качества как инструментальные ценности, необходимо присущие гениям для упорной и плодотворной творческой деятельности, о чем идет речь у В.П. Эфроимсона. Так, «недостаточное состояние, приискивание службы... не остановили любимых занятий Крылова, и он отважился представиться творцу "Дидоны" — известному и успешному Княжнину» [19, с. 211]. Маяковский вспоминал, как обиделся на то, что другие гимназисты пишут в нелегальный журнальчик "Порыв", а он нет: стал, по его меткому выражению, "скрипеть" [15, с. 16]. Сам Маяковский этот свой опыт считал неудачным, однако здесь важно другое: уже в детстве близкие отмечали у Володи решительность, настойчивость, упорство как в игре, так и в учении [13]. Пятнадцатилетний Гумилёв, по его же воспоминаниям, желавший во всем быть первым [4], с торжествующим видом, гордо протянул отцу "Тифлисский листок", где было напечатано его стихотворение "Я в лес бежал из городов" [5, с. 116]. Бесстрашие и стремление к лидерству юного Гумилёва близкие отмечали неодно-

кратно и даже несколько пугались этих его качеств [там же, с. 123]. Таким образом, благодаря формирующимся посредством импрессионгов качествам закрепляется и усиливается сам эффект импрессионга, состоящий в стремлении личности к творчеству.

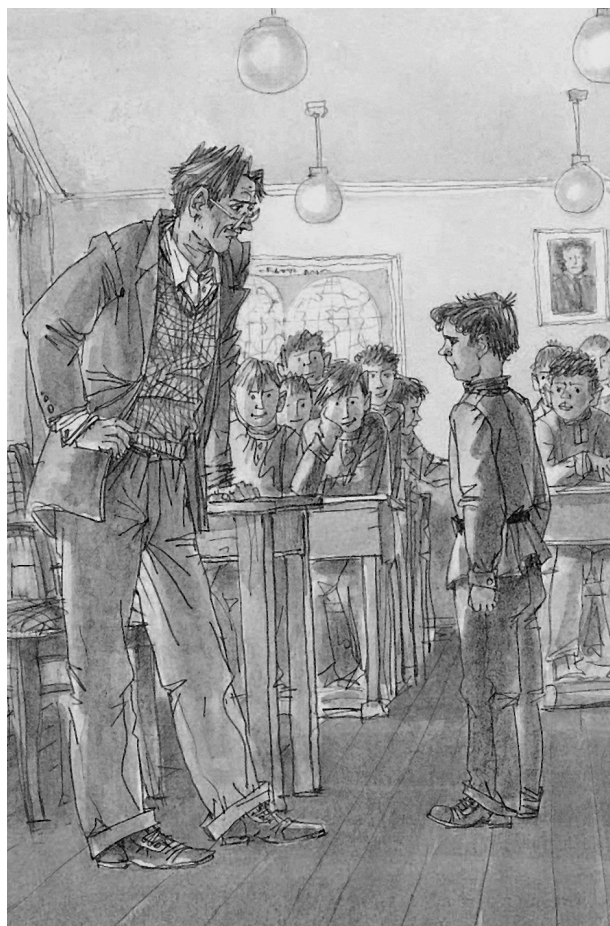
* * *

Отталкиваясь от концепции В.П. Эфроимсона и опираясь на собственный анализ фактов импрессионга, считаем возможным утверждать, что основные черты импрессионга проистекают из социокультурных характеристик среды. К последним, относятся:

- специфика источников впечатлений, спектр которых очень широк. При этом ключевые позиции здесь занимают общение с представителями ближайшего социального окружения и непосредственное наблюдение их поступков, что обуславливает большое значение социальных и культурных характеристик ближайшего окружения становящейся личности;

- особенности/факторы средового воздействия. Это возрастная чувствительность и наличие эмоционального фона, определяющие однократность и необратимость последствий импрессионга, а также усиливающие их факторы: повторяемость воздействий и преодоление препятствия.

Описание импрессионгов в жизни личностей, чей талант уже раскрыт, реализован и признан не одним поколением, — необходимый и важный шаг в исследовании интересующего нас феномена, поскольку его эмпирическое изучение считается проблематичным, воспитательный потенциал — высоким, а применение — перспективным. Ретроспективный анализ подтвердил сформулированную гипотезу, согласно которой импрессионг является детерминантой творческой деятельности. Яркие детские впечатления, почерпнутые непосредственно из окружающей жизни, служат неким толчком к творческому порыву: они активируют соответствующие склонности личности и устремляют ее к преодолению препятствий, возникающих на пути талантов и гениев.

А.С. Андреев.
Иллюстрация
к рассказу
М.М. Зощенко
“Учитель истории”.
2011

**БЫТЬ ИЛИ
МОЖЕТ БЫТЬ?**

Литература

1. Автобиографические наброски, воспоминания и заметки Некрасова // Н.А. Некрасов: в 3 т. Т. 1. М.: АН СССР, 1946. Лит. наследство. Т. 49/50.
2. Аксаков С.Т. Воспоминания // Аксаков С.Т. Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. М.: Издание А.А. Карцева, 1912.
3. Григорович Д. Литературные воспоминания. М.: Худ. лит., 1987. С. 24.
4. Гумилёв Н.С. Письма. В.Я. Брюсову. 11(24) марта 1907 г. // Гумилёв Н.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 8. М.: Воскресенье, 2007. С. 36.
5. Гумилёва А. Николай Степанович Гумилёв // Жизнь Николая Гумилёва: Воспоминания современников / сост. Ю.В. Зобнин и др. Л.: Изд-во Междунар. фонда истории науки, 1991.
6. Жданов В.В. Некрасов. М.: Молодая гвардия, 1971.
7. Зоценко М. Перед восходом солнца. СПб: Азбука, 2012.
8. Кино: Энцикл. слов. / гл. ред. С.И. Юткевич. М.: Сов. энциклопедия, 1986.
9. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М.: Сов. энциклопедия, 1987.
10. Лобанов М.Е. Жизнь и сочинения И.А. Крылова // И.А. Крылов в воспоминаниях современников / сост. А.М. Гордина, М.А. Гордина. М.: Худ. лит., 1982.
11. Лобанов М.П. Аксаков. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 7.
12. Львова Е.Н. Иван Андреевич Крылов // И.А. Крылов в воспоминаниях современников. С. 41.
13. Маяковская А.А. Детство и юность Владимира Маяковского: Из воспоминаний матери // В. Маяковский в воспоминаниях современников. М.: Гослитиздат, 1963. С. 33–67.
14. Маяковская Л.В. О Владимире Маяковском: Из воспоминаний сестры. М.: Дет. лит., 1965.
15. Маяковский В.В. Я сам // Маяковский В.В. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 1. 1912–1917. М.: ГИХЛ, 1955.
16. Музыкальный энциклопедический словарь / гл. ред. Г.В. Келдыш. М.: Сов. энциклопедия, 1990.
17. Одоевцева И.В. На берегах Невы. М.: АСТ, 2010. С. 59.
18. Оленина В.А. Иван Андреевич Крылов // И.А. Крылов в воспоминаниях современников. С. 139.
19. Плетнев П.А. Иван Андреевич Крылов // И.А. Крылов в воспоминаниях современников.
20. Популярная художественная энциклопедия: Архитектура. Живопись. Скульптура. Графика. Декоративное искусство: в 2 кн. / гл. ред. В.М. Полевой. М.: Сов. энциклопедия, 1986.
21. Серафимович (Попов) А.С. Автобиография // Советские писатели: автобиографии: в 3 т. / сост. Б.Я. Брайнина, Е.Ф. Никитина. Т. 2. М.: Худ. лит., 1959.
22. Театральная энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. С.С. Мокульский. М.: Сов. энциклопедия, 1961–1967.
23. Тургенев И.С. Автобиография // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 (12) т. Т. 11. М.: Наука, 1983. С. 201.
24. Тургенев И.С. Пунин и Бабурин // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 (12) т. Т. 9. М.: Наука, 1982.
25. Эфроимсон В.П. Педагогическая генетика // Биология. 2000. № 30. С. 9.
26. Эфроимсон В.П. Предпосылки гениальности: Биосоциальные факторы повышенной умственной активности // Человек. 1997. № 2–6; 1998. № 1.